

Матадор из Парижа

Смена - Санкт-Петербург - 1992. - 25 НОЯБРЯ - С. 3

— **Считаться артистом — большая привилегия!.. За это нужно платить! Платить жизнью, платить деньгами... — говорит художник, поэт, киноактер, редактор парижского журнала «Мулета», анархист и теоретик вивризма Владимир КОТЛЯРОВ, больше известный под псевдонимом ТОЛСТЫЙ.**

С тем, что русская эмиграция третья волна напоминает большую коммунальную кухню, мы постепенно свиклись. Но с тем, что среди этой волны есть художники, судья и творчество которых являются до сих пор «фигурой умолчания», свикнуться трудно.

Толстый (по паспорту Владимир Котляров) — один из них. Его имя, как и название его журнала «Мулета», для многих — кость в горле. Для правых и левых, для «Синтаксиса» и «Континента», для самых непримиримых врагов.

В одной из эмигрантских газет сотрудники давали расписку, что слова «Толстый» и «Мулета» упоминаются не будут ни под каким соусом. Да и у нас недавняя мода на эмигрантов никак не коснулась Толстого — лишь в прошлом году «Искусство кино» напечатало одну из его статей, и лишь несколько месяцев назад «Мулета» стала издаваться в Москве (среди авторов альманаха были Юрий Мамлеев, Константин Кузьминский, Алексей Хвостенко, Эдуард Лимонов, Юрий Мияославский, Вагич Бахчанян).

Толстый — одна из самых колоритных фигур в русском зарубежье и одна из самых авторитетных фигур в мировом авангарде. Толстый был членом редакции крупного журнала французских анархистов «Красное и черное» и основателем парижской группы русских анархистов под названием «Черный перелет земли и воли».

Толстый внес свою заслугу в создание «перформанса», «мей-арта» и других форм авангардного искусства и, наконец, создал «вивризм» — философию жизнетворчества, надолго ставшую «притчей во языцех» в современном художественном мире.

Толстый многолик. Но в Петербурге он объявился еще в одном и совершенно неожиданном своем качестве — кинопродюсера...

— С каких пор вы продюсер, Толстый?

— Это мой первый опыт подобной работы. Поскольку в кино я уже себя зарекомендовал как актер — появилось доверие ко мне.

— Что за фильм?

— Чисто документальный, заказанный третьей программой Французского телевидения. Фильм об обмене между французской и русской культурами — от начала строительства Петербурга до революции. В центре будет, конечно, Екатерина. Режиссер — Людовик Сегарра, испанец, рожденный в Африке и переселившийся во Францию. С ним я работал на картине «Путь в Дамаск», играл апостола Варнаву...

— Ну а как вы вообще стали автором?

— Голодал, соглашался на любую работу. Мыл посуду в ресторане для проституток на Пигалли... И в один из моментов, когда работы не было, пришел Олег Яковлев, московский художник: Толстый, если хочешь жрать бесплатно два раза в день — вот тебе адрес, там студент парижского киноинститута Эрик Барбье ставит дипломный фильм. Денег у него нет, но он будет кормить... Я пришел в какую-то старую парижскую квартиру, где Эрик Барбье собрал свою братию, и начал стучать себя в грудь: я — Толстый, я жрать хочу! Хотите, я сыграю вам шум падающей лестницы за сценой? Только покормите!.. Эрик Барбье, человек незаурядный, повернулся к своей команде и сказал: ребята, все меняется — вот мой герой! Поскольку он не говорит по-французски, будем играть на рус-

сском. Толстый с собой драгоценности. Фильм получил приз Альби в 82-м году, а я получил приз как лучший исполнитель мужской роли... Стали сниматься иногда в рекламных фильмах, а потом меня пригласил Клод Шаброль в картину «Холодный пот». У Жан-Пьера Моки, одного из самых скандальных режиссеров-провокаторов во французском кино, я снялся в «Прекрасном ребенке». У Джона Льюиса, голливудского режиссера, русского по происхождению, который сейчас работает во Франции, я сыграл большую роль в фильме «Ванная»...

А сейчас в моей жизни произошло большое горе. Впервые в жизни я должен был представлять фильм на фестивале французского кино в Бельгии, в Намюре, — фильм «Я думаю о вас» режиссера братьев Дарден. Я должен был там быть, купил билет на Люфганзу, но здесь, в Петербурге, обстоятельства просто не позволили мне вылететь, получить аплодисменты, схлопотать славу, несколько публикаций и портретов в кинопрессе!

— Эти обстоятельства связаны с нашей местной спецификой, от которой вы успели отвыкнуть?

— Ой, не говорите... Один пример — я пошел заказывать теплоход для того, чтобы найти места для стенок петербургской архитектуры. И сделал ужасную глупость — решил ребят обрадовать. Сказал им: вы получаете в месяц столько-то, а я плачу вам в два раза больше, вот аванс, и завтра, пожалуйста, в 11 утра приступаем! Утром прихожу — все пьяные, втроем валяются с бабой, в жутком виде! Я хотел кричать и топтать ногами, но вдруг почувствовал: ведь они живые люди! Я сумасшедший, заиклившийся на работе человек, а они живут как хотят, они пропивают мой аванс! Пришел на другой корабль, в другое место, на угол Фонтанки и Невского, жестко сказал: нет, это мне дорого, денег не дам, аванса не дам. Начал уходить, меня остановили, я с ними договорился. Пришел завтра, обманул их специально на четыре тысячи рублей — и теперь уверен, что в следующий раз они будут со мной работать хорошо. Они меня теперь зауважали!

— Толстый, а разве вы раньше танцевали, как они, не были?

— Наверное, был... И жил так же. Но за 15 лет эмиграции я стал совершенно другим человеком. Через три месяца после того, как я приехал в Париж, я заявил в налоговое управление о своих доходах. Надо мной смеялись, тарашили глаза, потому что единственное, что я получал, — это пособие Толстовского фонда, 19 франков в день! Конечно, с меня никаких налогов не брали, это было смешно. Но мне почти сразу дали гражданство. Приехал в другую страну, я решил играть в ту игру, в которую играют здесь, — и это было замечено...

— Насколько я знаю, вам одному из немногих удалось прочно войти во французскую культурную среду...

— Это связано с моим большим желанием и с тем, что такое же желание испытывала моя жена. Мы никогда не хотели жить в гетто. Раз мы приехали во Францию — значит, должны жить так же, как живут французы. У меня еще существует своеобразная ностальгия по укропу, по селедке, по пышной каше, мне все привозят с Украины постное масло из жареных семечек, я мажу хлеб и ем... А у жены этого нет — она питается по-французски, живет по-французски, после работы ходит в бассейн и на гимнастику. Хотя сама удмуртка. И преподает русский язык, замечьте, верхнему эшелону французских промышленников...

— Толстый, а как возник ваш первый перформанс?

— Это было задолго до отъезда, в 66-м году, когда другие наши «перфор-

в присутствии публики все движения Маркса в разных ракурсах, «обрабатывал» памятник вокруг, со всех сторон, залез на постамент...

— Какова же была идея этого перформанса?

— Каждый может быть Марксом. Я, пожалуй, впервые в русском искусстве занялся демифологизацией политических мифов.

— А последствия?

— Никаких. Стояли менты, но никто ничего не понимал. Меня снимали на кинокамеру, и они думали, что, наверное, так и нужно.

Другой перформанс назывался «Вверх». В нем участвовал нынешний заместитель российского министра культуры Лена Бажанов, мой однокашник по Университету. Это был некий спонтанный перформанс в московской электричке. Суть его такова: «Не у каждого есть возможность корректным способом залезть наверх. Но все хотят вверх». Естественно, когда мы карабкались на полки электрички через чужие головы — все возмущались...

— Изобразительным искусством вы начали заниматься одновременно с перформансами?

— Хотя я и работал, конечно, еще в 59—60-м годах, но я считаю, что начал как художник тогда, когда стал этим жить, вошел в среду. Это произошло в начале 70-х. Начинать вместе со мной многие: Миша Одюров, Боря Козлов, команда Нусберга, Галя Бит, Мирок Тамаев, Паша Бордуков, погибший в Берлине...

— А что или что служило для вас как художника ориентиром?

— В одном из манифестов я написал, что в искусстве учителей у меня не было. Я начал серию «Бывшие вещи» — работал красками и кистью на кусках кровати, кусках стульев. Я просто предложил остаткам вещей, уже отслуживших человечеству, не умереть. В коллекции Лени Талочкина есть две мои диванные спинки. Я в то время был малоизвестным художником — знаменитыми стали те, о ком начали писать на Западе. А я принимал участие в Бокумской выставке в Германии лишь в конце 77-го года. Это очень важная коллективная выставка, там были все, что создавал так называемое «другое искусство», «второе искусство», «независимое»... У Глезера есть настойчивое желание утвердить термин «художники-нонконформисты», но я против категорически. Половина из тех, кого он называет «нонконформисты» — самые обыкновенные конформисты. Но только конформисты по отношению к чему-то другому. Нонконформизм — это не значит быть против реалистического искусства, это определенное качество характера человека...

— Толстый, вы — нонконформист?

— Конечно...

— Но как-то традиция намеренно же есть и в вашем творчестве?

— Традиция свободы — да. Традиция скандала в русском искусстве — всегда была. Традиция несогласия, традиции «штыря в жопе», если хотите... Понимаете, западный авангард рождается от несогласия, западные художники точно знают, что конечная задача — это себя продать. И ради этого работает их голова, они придумывают все новые ходы лишь для того, чтобы войти в структуру товарно-денежного обмена. У нас этим двигались такие люди, как Комар и Меламед, Илья Кабаков, у них побудительное начало было — выйти на рынок. Вся тщательная работа, все вычисленное, расчетливое творчество, связанное с устройством результатов творчества, — здесь был совершенно западный подход к успеху.

— А у вас?

— Разрушить... Нарушить... Напротив, наоборот!

— Но вы же вышли на рынок?

— Нет. Чтобы стать коммерческим художником, нужно найти массовый сбыт. Следовательно, менять стиль нельзя. У Целкова побудительная идея когда-то была такая же, как и у меня, — когда он «крупица», когда он придумал свой код. Но потом он понял: чтобы стать великим, нужно одного и того же наделать очень много. Как артист и творец он умер — он стал религиозником, придумал свой «Чип энд Дейл» в живописи и гонит его теперь сериями.

— А вы?

— Нет, я не гоню себя. Я по-

— Чем?

— Сейчас — кино. А раньше — реставрацией икон, картин. Несколько лет я работал в галерее у Гарика Басмаджана, в подвале, реставратором... Оставалось еще время для работы на себя, но деньги были, я знал, что свободен и могу не размножать одно и то же.

— Толстый, после недавнего «Пятого колеса», посвященного вам как основателю вивризма, у всех создалось странноватое, скажем, представление о вашей персоне... Предстал образ пьяницы и матерщинника, не более.

— Ну а что я могу сделать? Это не моя придумка. О том, что меня будут снимать в «Пятом колесе», мне сообщили еще в Париже, по телефону. Телевизионщики ходили за мной по Москве, снимали меня в Доме кино, в ЦДЛ, было приятно, я себя чувствовал героем. И после подходить ко мне Коля Климонтович, писатель московский: Толстый, мы сейчас пьянствовать поедем, а ведь телевизионщики работали, давай возьмем их, пусть выпьют! Я говорю: конечно, бери машину, сажай! Приехали, мы начали поддавать. Они спрашивают: можно мы включим камеру? А мне что, жалко, что ли? Включите! И вдруг оказалось, что они использовали только фиксацию вот этой нашей «поддачи»! Это немножко грустно. Зачем тогда они два раза приезжали в Москву? Сказали бы: мы хотим посмотреть, как ты пьешь!...

— А что собой на самом деле представляет вивризм?

— Он возник в 81-м году, 11 апреля. Я очень любил и люблю слово «жизнь». По-французски «жизнь» это «вивр». И когда я делал первые шаги в языке, я вдруг подумал, что, наверное, искусство жить — это одна из форм творчества, а ведь все, что форма творчества или стиль, в искусстве кончается на «изм», и я сказал жене: смотри, «вивризм» — какое замечательное слово! Так возникло это движение. В первой группе вивристов были Эдик Лимонов, Лена Шапова, его бывшая жена, Саша Эйдельман, оператор с Ленинградского телевидения, Коля Павловский, художник из Белоруссии, выпрыгнувший из автобуса в Париже...

Вивризм, конечно, есть жизненная позиция прежде всего. Это право чувствовать себя свободным, право быть шире обязанности артиста писать картины. Это право не учить, а показывать, как раздвигать собственные возможности! И конечно, это позиция артиста в мире. Ведь считается артистом — большая привилегия. Все артисты —

несколько тысяч единиц мейл-арта. Представьте себе, что один мейл-арт мне стоит около ста франков — краски, кисти и пересылка. Ведь что такое мейл-арт? Это изготовление специального почтового отправления, на которое я наклеиваю марки, и посылаю эту картинку открытой. Представьте, сколько я денег вложил в это дело! Потому что я уже знаю: мои конверты вставляются в дорожные рамки и висят в очень хороших домах. Я плачу за это!...

— Сколько сейчас в мире вивристов? — Несколько лет я давал на манифестах подписываться тем, кто хотел вступить в вивризм. Таких подписей у меня набралось около двухсот. Среди них, например, автограф великого Кристо, одного из величайших артистов современности... Жюльен Блен, лидер французской авангардной поэзии — один из первых французских вивристов. Среди эмигрантов — Костя Кузьминский, Вагич Бахчанян. Когда все это начиналось и не стало рутинной, мы посвящали каждого в вивризм, рисуя на лбу трилистник определенного цвета, например — сине-фиолетовый с золотыми блестками... На моем лбу трилистник нарисовал Лимонов.

— Вы не отличили Эдичку от вивризма за его нынешние подвиги?

— Нет! От вивризма отличить нельзя. Мне просто обидно, поскольку все его шутки и заигрывания с правыми для него самого разрушительны. Я думаю, что Лимонов пишет сейчас то, что они согласны напечатать, он работает так же, как когда-то работали обкомовские журналисты или обкомовские писатели. Конечно, это предательство по отношению к себе... Ведь Лимонов защищал в книге «Это я, Эдичка!» самые высокие человеческие принципы, принципы свободы личности, право личности на страдание, на слабость, право личности на необыкновенные, неприменные, какие угодно формы жизни... Я не верю, что теперь, нарушив общечеловеческие принципы и ценности, Лимонов может написать хорошую книжку. Я убежден лишь в том, что его просто либералы не пригнали достаточно хорошо, пригнали бы либералы, подкормили бы его публикациями — он бы в другую сторону пошел... Но на основании этого исключать его из вивризма?.. Это жлобство — исключать откуда-то людей.

У нас есть все-таки своя табель о рангах. Она связана с корридой, ведь название журнала «Мулета» появилось оттуда. Я не могу больше нескольких месяцев прожить без корриды, лично знаю матадоров, моя жена обожает с

Коля Павловский, он был художником первой «Мулеты», и вообще у него много заслуг. Коля Климонтович тоже стал бандерильеро...

— Момент, и в Петербурге они есть?

— Пока нет, но у Сашки Флоренского, митька, есть один балл. Мы даем баллы матадоров, пикадоров, бандерильеро и даже уборщиков трупов за определенные поступки. А роль Флоренча в организации хотя бы акции с расписыванием автобуса в Париже очень большая. Шинкарев получил балл за фолант о митьках. То есть нужно совершить конкретный, неадекватный текущему представлению о жизни поступок! Что-то нарушить! Чем-то пожертвовать! Нужно не просто не быть конформистом, а что-то агрессивное совершить в отношении посредственности.

— Физически агрессивное?!

— Нет, это у нас исключается абсолютно. Нужно совершить некоторую интеллектуальную агрессию, сделав нечто такое, за что тебе могут дать п...лей. То есть рискнуть жизнью или чем-то другим. Ведь вивризм — это не для трусов дело.

— Есть ли в России еще люди, родственные по духу вивристам?

— Не могу не сказать о москвиче Игоре Дудинском, который стал соредактором «Мулеты» с 6-го номера. Здесь, в Петербурге — это Африка. Хотя я и не знаком с ним лично, но в первом номере газеты «Вечерний звон» я впервые на Западе упомянул Африку, дал его фотографию. Из петербуржцев, конечно, Елена Шварц. В «Мулете» я опубликовал ее прозу, это был текст на христианскую тему. Она, конечно, никогда не подписывала никаких манифестов вивризма, и я с ней просто незнаком, хотя очень хочется познакомиться, но, конечно, она очень смелый человек...

— В отношении к Христу?

— Нет, в отношении к форме. Мы оцениваем людей в большей мере по форме. Бродский, наверное, великий поэт, но он шел по совершенно продолженной дорожке и просто положил следующий камень, помог ее мостить. Но ничем не рискуя!...

— А Солженицын?

— Конечно, рискуя!

— В форме?

— Разумеется... Ему будет долго доставлять за то, как он ломает язык. Сколько он придумал скандальных, формалистических деталей в языке!

— Вы не разделяете форму и саму жизнь ее создателя, его взгляды?

— Не разделяю. Человек платит за право создавать форму своей жизнью. Взгляды человека формируются в зависимости от того, насколько он имеет в себе силы протестовать против застылой формы. Все в мире апробировано, и если Бог дал талант, то очень просто заработать место под солнцем, деньги и славу, ничем не рискуя. А артист должен рисковать. Оккупировав господствующим взглядом — единичку. А рискуют и проваливаются многие. Нужно иметь смелость.

Ведь вивризм предполагает очень строгое, жертвенное отношение к жизни. И все нынешние беды России, может, лишь оттого, что демократы абсолютно ничем не пожертвовали ради любимой своей идеи демократии...

— Толстый, вы сейчас делаете фильм о культурных связях России и Франции. А есть ли у вас у самого манифестные проекты в этой области?

— Есть, и хорошо, что вы об этом говорили. Сейчас мой интерес — к совершенно конкретному — я хочу провести акцию, равной которой не было в истории поэтической культуры во всем мире. Я хочу привести десятков лидеров французской современной поэзии в Петербург, чтобы они читали стихи в замечательных залах вместе с петербургскими поэтами. Поскольку в Петербурге поэтов в десять раз в сто раз больше, чем во всей Франции, — я становлюсь перед колоссальной проблемой, но все-таки хочу оставить за собой право выбрать и русских участников...

Я придумал поэтическую русско-французскую акцию длиной в год, принимаю предложения, выслушиваю советы и даже немножко, можно сказать, пишу поддержку. Какая мне нужна поддержка? Во-первых, визовая, для французской поддержки — для этого нужно, чтобы мэрия Петербурга согласилась своей ладью благословить эту поэтическую акцию. Потом, мне хотелось бы, чтобы поэты почтили один вечер в Эрмитажном театре, а другой — в Юсуповском дворце. Там поразительный театр, крошечный, в котором я был один раз

Матадор из Парижа

Сценарий — Санкт-Петербург, 1992. — 25 ноября — с. 3

— **Считаться артистом — большая привилегия!.. За это нужно платить! Платить жизнью, платить деньгами...** — говорит художник, поэт, киноактер, редактор парижского журнала «Мулета», анархист и теоретик вивризма **Владимир КОТЛЯРОВ**, больше известный под псевдонимом **ТОЛСТЫЙ**.

С тем, что русская эмиграция третьей волны напоминает большую коммунальную кухню, мы постепенно свыклись. Но с тем, что среди этой волны есть художники, судья и творчество которых являются до сих пор «фигурой умолчания», свыкнуться трудно.

Толстый (по паспорту Владимир Котляров) — один из них. Его имя, как и название его журнала «Мулета», для многих — кость в горле. Для правых и левых, для «Синтаксиса» и «Континента», для самых непримиримых врагов.

В одной из эмигрантских газет сотрудники давали расписку, что слова «Толстый» и «Мулета» упоминаются не будут ни под каким соусом. Да и у нас недавняя мода на эмигрантов никак не коснулась Толстого — лишь в прошлом году «Искусство кино» напечатало одну из его статей, и лишь несколько месяцев назад «Мулета» стала издаваться в Москве (среди авторов альманаха были Юрий Мамлеев, Константин Кузьминский, Алексей Хвостенко, Эдуард Лимонов, Юрий Милославский, Вагич Бахчанян).

Толстый — одна из самых колоритных фигур в русском зарубежье и одна из самых авторитетных фигур в мировом авангарде. Толстый был членом редакции крупного журнала французских анархистов «Красное и черное» и основателем парижской группы русских анархистов под названием «Черный передел земли и воли».

Толстый внес свою заслугу в создание «перформанса», «смей-арта» и других форм авангардного искусства и, наконец, создал «вивризм» — философию жизнестроительства, надолго ставшую «притчей во языцех» в современном художественном мире.

Толстый многолик. Но в Петербурге он объявлялся еще в одном и совершенно неожиданном своем качестве — кинопродюсера...

— С каких пор вы продюсер, Толстый?

— Это мой первый опыт подобной работы. Поскольку в кино я уже себя зарекомендовал как актер — появилось доверие ко мне.

— Что за фильм?

— Чисто документальный, заказанный третьей программой Французского телевидения. Фильм об обмене между французской и русской культурами — от начала строительства Петербурга до революции. В центре будет, конечно, Екатерина. Режиссер — Людовик Сегарра, испанец, рожденный в Африке и переехавший во Францию. С ним я работал на картине «Путь в Дамаск», играл апостола Варнаву...

— Ну а как вы вообще стали актером?

— Голодал, соглашался на любую работу. Мыл посуду в ресторане для проституток на Пигалии... И в один из моментов, когда работы не было, пришел Олег Яковлев, московский художник: Толстый, если хочешь жрать бесплатно два раза в день — вот тебе адрес, там студент парижского киноинститута Эрик Барбе ставит дипломный фильм. Деньги у него нет, но он будет кормить... Я пришел в какую-то старую парижскую квартиру, где Эрик Барбе собрал свою братию, и начал стучать себя в грудь: я — Толстый, я жрать хочу! Хотите, я сыграю вам шум падающей лестницы за сценой? Только покормите!.. Эрик Барбе, человек незаурядный, повернулся к своей команде и сказал: ребята, все меняется — вот мой герой! Поскольку он не говорит по-французски, будем играть на русском языке. Значит, надо что-то убрать из бюджета и взять переводчицу!.. Так и было. Я снялся в своем первом фильме, который назывался «Потерянное лицо». — Это была история о том, как русские аристократы, бандиты и бывшие офицеры бегут от революции через финскую границу и заодно прих-

ватывают с собой драгоценности. Фильм получил приз Альби в 82-м году, а я получил приз как лучший исполнитель мужской роли... Стал сниматься иногда в рекламных фильмах, а потом меня пригласил Клод Шаброль в картину «Холодный пот». У Жан-Пьера Моки, одного из самых скандальных режиссеров-провокаторов во французском кино, я снялся в «Прекрасном ребенке». У Джона Львова, голливудского режиссера, русского по происхождению, который сейчас работает во Франции, я сыграл большую роль в фильме «Ванная»...

А сейчас в моей жизни произошло большое горе. Впервые в жизни я должен был представлять фильм на фестивале франкоязычного кино в Бельгии, в Намюре, — фильм «Я думаю о вас» режиссера братьев Дарден. Я должен был там быть, купил билет на Люфганзу, но здесь, в Петербурге, обстоятельства просто не позволили мне вылететь, получить аплодисменты, склопотать славу, несколько публикаций и портретов в кинопрессе!

— Эти обстоятельства связаны с нашей местной спецификой, от которой вы успели отвыкнуть?

— Ой, не говорите... Один пример — я пошел заказывать теплоход для того, чтобы найти места для съемок петербургской архитектуры. И сделал ужасную глупость — решил ребят обрадовать. Сказал им: вы получаете в месяц столько-то, а я плачу вам в два раза больше, вот аванс, и завтра, пожалуйста, в 11 утра приступаем! Утром прихожу — все пьяные, втроем валяются с бабой, в жутком виде! Я хотел кричать и топтать котами, но вдруг почувствовал: ведь они живые люди! Я сумасшедший, заикленный на работе человек, а они живут как хотят, они пропивают мой аванс! Пришел на другой корабль, в другое место, на угол Фонтанки и Невского, жестко сказал: нет, это мне дорого, денег не дам, аванс не дам. Начал уходить, меня остановили, я с ними договорился. Пришел завтра, обманул их специально на четыре тысячи рублей — и теперь уверен, что в следующий раз они будут со мной работать хорошо. Они меня теперь уважают!

— Толстый, а разве вы раньше таким, как они, не были?

— Наверное, был... И жил так же. Но за 15 лет эмиграция я стал совершенно другим человеком. Через три месяца после того, как я приехал в Париж, я заявил в налоговое управление о своих доходах. Надо мной смеялись, тарасили глаза, потому что единственное, что я получал, — это пособие Толстовского фонда, 19 франков в день! Конечно, с меня никаких налогов не брали, это было смешно. Но мне почти сразу дали гражданство. Приехав в другую страну, я решил играть в ту ягрю, в которую играют здесь, — и это было замечено...

— Насколько я знаю, вам одному из немногих удалось прочно войти во французскую культурную среду...

— Это связано с моим большим желанием испытывать мою жену. Мы никогда не хотели жить в гетто. Раз мы приехали во Францию — значит, должны жить так же, как живут французы. У меня еще существует своеобразная ностальгия по укропу, по селедке, по пшенной каше, мне все привозят с Украины постное масло из жареных семечек, я макая хлеб и ем... А у жены этого нет — она питается по-французски, живет по-французски, после работы ходит в бассейн и на гимнастику — живет, как французская женщина. Хотя сама удмуртка. И преподает русский язык, заметьте, верхнему эшелону французских промышленников...

— Толстый, а как возник ваш первый перформанс?

— Это было задолго до отъезда, в 66-м году, когда другие наши «перформаторы» даже и не начинали. Этот перформанс — он воспринят в моем первом парижском каталоге — назывался «Подход к теме». Я загриновался, отстрил волосы под Карла Маркса, изучил его движения... И — встал напротив Большого театра, рядом с кербелевским Марком. Я повторял

в присутствии публики все движения Маркса в разных ракурсах, «обрабатывал» памятник вокруг, со всех сторон, залез на постамент...

— Какова же была идея этого перформанса?

— Каждый может быть Марксом. Я, пожалуй, впервые в русском искусстве занялся демифологизацией политических мифов.

— А последствия?

— Никаких. Стояли менты, но никто ничего не понимал. Меня снимали на кинокамеру, и они думали, что, наверное, так и нужно.

Другой перформанс назывался «Вверх». В нем участвовал нынешний заместитель российского министра культуры Деня Бажанов, мой одноклассник по Университету. Это был некий спонтанный перформанс в московской электричке. Суть его такова: «Не у каждого есть возможность корректным способом залезть вверх. Но все хотят вверх». Естественно, когда мы карабкались на полки электрички через чужие головы — все возмущались...

— Изобразительным искусством вы начали заниматься одновременно с перформансами?

— Хотя я и работал, конечно, еще в 59–60-м годах, но я считаю, что начал как художник тогда, когда стал этим жить, вошел в среду. Это произошло в начале 70-х. Начинать вместе со мной многие: Миша Одноралов, Боря Козлов, команда Нусберга, Галя Бит, Мирок Тамаев, Паша Бордуков, погибший в Берлине...

— А что или что служило для вас как художника ориентиром?

— В одном из манифестов я написал, что в искусстве учителей у меня не было. Я начал серию «Бывшие вещи» — работал красками и кистью на кусках кровати, кусках стульев. Я просто предложил остаткам вещей, уже отслуживших человечеству, не умереть. В коллекции Лени Талочкина есть две мои диванные спинки. Я в то время был малоизвестным художником — знаменитыми стали те, о ком начали писать на Западе. А я принимал участие в Бухомской выставке в Германии лишь в конце 77-го года. Это очень важная коллективная выставка, там были все, кто создавал так называемое «другое искусство», «второе искусство», «независимое»... У Глезера есть настоящее желание утвердить термин «художники-нонконформисты», но я против категоричности. Половина из тех, кого он называет «нонконформисты» — самые обыкновенные конформисты. Но только конформисты по отношению к чему-то другому. Нонконформизм — это не значит быть против реалистического искусства, это определенное качество характера человека...

— Толстый, вы — нонконформист?

— Конечно...

— Но какова традиция намерения же есть и в вашем творчестве?

— Традиция свободы — да. Традиция, скандала в русском искусстве — всегда была. Традиция несогласия, традиция «штыря в жопе», если хотите... Понимаете, западный авангард рождается от соглашения, западные художники точно знают, что конечная задача — это себя продать. И ради этого работает их голова, они придумывают все новые ходы лишь для того, чтобы войти в структуру товарно-денежного обмена. У нас этим двигались такие люди, как Комар и Меламед, Илья Кабаков, у них побудительное начало было — выйти на рынок. Вся тщательная работа, все вычисленное, расчетливое творчество, связанное с устремлением результатов творчества, — здесь был совершенно западный подход к успеху.

— А у вас?

— Разрушить... Нарушить... Напротив, назло, наоборот!

— Но вы же вышли на рынок?

— Нет. Чтобы стать коммерческим художником, нужно найти массовый сбыт. Следовательно, менять стиль нельзя. У Целкова побудительная идея когда-то была такая же, как и у меня, — когда он «крупнел», когда он придумал свой код. Но потом он понял: чтобы стать великим, нужно одного и того же надевать очень много. Как артист и творец он умер — он стал ремесленником, придумал свой «Чип энд Дейл» в живописи и гонит его теперь сериями.

— А я?

— А я — нет. Меня никто не купит, я никому не нужен, потому что я каждый раз меняю идею и тем самым даю коммерсанту почувствовать: ага, он еще чего-то ищет, значит, это он делает несерьезно. А мне просто неинтересно очень долго делать одно и то же. Я деньги зарабатываю другим.

— Чем?

— Сейчас — кино. А раньше — реставрация икон, картин. Несколько лет я работал в галерее у Гарика Басмаджана, в подвале, реставратором... Оставалось еще время для работы на себя, но деньги были, я знал, что свободен и могу не размышлять одно и то же.

— Толстый, после недавнего «Пятого колеса», посвященного вам, основателю вивризма, у всех создается странноватое, скажем, представление о вашей персоне... Предстал образ пьяницы и матерщинника, не более.

— Ну а что я мог сделать? Это не моя придумка. О том, что меня будут снимать в «Пятом колесе», мне сообщили еще в Париже, по телефону. Телевизионщики ходили за мной по Москве, снимали меня в Доме кино, в ЦДХ, было приятно, я себя чувствовал героем. И после подходит ко мне Коля Климонтович, писатель московский: Толстый, мы сейчас пьянствуем поедом, а ведь телевизионщики работали, давай возьмем их, пусть выпьют! Я говорю: конечно, бери машину, сажай! Приехали, мы начали поддавать. Они спрашивают: можно мы включим камеру? А мне что, жалко, что ли? Включите! И вдруг оказалось, что они использовали только фиксацию вот этой нашей «поддачи»! Это немножко грустно. Зачем тогда они два раза приезжали в Москву? Сказали бы: мы хотим посмотреть, как ты пьешь!..

— А что собой на самом деле представляет вивризм?

— Он возник в 81-м году, 11 апреля. Я очень любил и люблю слово «жизнь». По-французски «жизнь» это «вивр». И когда я делал первые шаги в языке, я вдруг подумал, что, наверное, искусство жить — это одна из форм творчества, а ведь все, что форма творчества или стиль, в искусстве кончается на «изм», и я сказал жене: смотри, «вивризм» — какое замечательное слово! Так возникло это движение. В первой группе вивристов были Эдик Лимонов, Лена Шапова, его бывшая жена, Сашка Эйдельман, оператор в Ленинградском телевидении, Коля Павловский, художник из Белоруссии, выпрыгнувший из автобуса в Париже...

Вивризм, конечно, есть жизненная позиция прежде всего. Это право чувствовать себя свободным, право быть шире обязанности артиста писать картины. Это право не учить, а показывать, как раздвигать собственные возможности! И конечно, это позиция артиста в мире. Ведь считается артистом — большая привилегия. Все артисты порывают за то, что они артисты, — получать деньги, начать себя продавать. А я считаю, что нужно платить! Нужно всю жизнь платить за то, что ты артист, за то, что тебе аплодируют, за то, что, скажем, девочки дают тебе легче, чем неартисту! Платить жизнью, платить деньгами... У меня, например,

несколько тысяч единиц мейл-арта. Представьте себе, что один мейл-арт мне стоит около ста франков — краски, кисти и пересылка. Ведь что такое мейл-арт? Это изготовление специального почтового отправления, на которое я наклеиваю марки, и посылаю эту картинку открытой. Представьте, сколько я денег вложил в это дело! Потому что я уже знаю: мои конверты вставляются в дорогие рамы и висят в очень хороших домах. Я плачу за это!..

— Сколько сейчас в мире вивристов?

— Несколько лет я давал на манифестах подписываться тем, кто хотел вступить в вивризм. Таких подписей у меня набралось около двухсот. Среди них, например, автограф великого Кристо, одного из величайших артистов современности... Жюльен Блен, лидер французской авангардной поэзии — один из первых французских вивристов. Среди эмигрантов — Костя Кузьминский, Вагич Бахчанян. Когда все это начиналось и не стало рутинной, мы посвящали каждого в вивризм, рисуя на лбу трилистник определенного цвета, например — сине-фиолетовый с золотыми блестками... На моем лбу трилистник нарисовал Лимонов.

— Вы не отличили Эдичку от вивризма за его нынешние подвиги?

— Нет! От вивризма отлучить нельзя. Мне просто обидно, поскольку все его шутки и заигрывание с правами для него самого разрушительны. Я думаю, что Лимонов пишет сейчас то, что они согласны напечатать, он работает так же, как когда-то работали обкомовские журналисты или обкомовские писатели. Конечно, это предательство по отношению к себе... Ведь Лимонов защищал в книге «Это я, Эдичка!» самые высокие человеческие принципы, принципы свободы личности, право личности на страдание, на слабость, право личности на необыкновенные, неприменные, какие угодно формы жизни... Я не верю, что теперь, нарушив общечеловеческие принципы и ценности, Лимонов может написать хорошую книжку. Я убежден лишь в том, что его просто либералы не пригнали достаточно хорошо, пригнали бы либералы, подкормили бы его публикациями — он бы в другую сторону пошел... Но на основании этого исключать его из вивризма?.. Это жлобство — исключать откуда-то людей.

У нас есть все-таки своя табель о рангах. Она связана с корридой, ведь название журнала «Мулета» появилось оттуда. Я не могу больше нескольких месяцев прожить без корриды, лично знаю матадоров, моя жена обожает с ними фотографироваться и целоваться... Это наша страсть. И все наши «чинны» связаны с корридой. Я — матадор. Существует один пикадор, а у Бахчаняна есть пикадорский балл, но чтобы стать пикадором — нужно три балла. Бандерильеро много, первым стал

Коля Павловский, он был художником первой «Мулеты», и вообще у него много заслуг. Коля Климонтович тоже стал бандерильеро...

— Монет, и в Петербурге они есть?

— Пока нет, но у Сашки Флоренского, митька, есть один балл. Мы даем баллы матадоров, пикадоров, бандерильеро и даже уборщиков трупов за определенные поступки. А роль Флоренча в организации хотя бы акции с расписыванием автобуса в Париже очень большая. Шинкарев получил балл за фоллиант о митьках. То есть нужно совершить конкретный, неадекватный текущему представлению о жизни поступок! Что-то нарушить! Чем-то пожертвовать! Нужно не просто не быть конформистом, а что-то агрессивное совершить в отношении посредственности.

— Физически агрессивное?

— Нет, это у нас исключается абсолютно. Нужно совершить некоторую интеллектуальную агрессию, сделать нечто такое, за что тебе могут дать п...лей! То есть рискнуть жизнью или чем-то другим. Ведь вивризм — это не для трусов дело.

— Есть ли в России еще люди, родственные по духу вивристам?

— Не могу не сказать о москвиче Игоре Дулинском, который стал редактором «Мулеты» с 6-го номера. Здесь, в Петербурге — это Африка. Хотя я и не знаком с ним лично, но в первом номере газеты «Вечерний звон» я впервые на Западе упомянул Африку, дал его фотографию. Из петербуржцев, конечно, Елена Шварц. В «Мулете» я опубликовал ее прозу, это был текст на христианскую тему. Она, конечно, никогда не подписывала никаких манифестов вивризма, и я с ней просто незнаком, хотя очень хочется познакомиться, но, конечно, она очень смелый человек...

— В отношении к Христу?

— Нет, в отношении к форме. Мы оцениваем людей в большей мере по форме. Бродский, наверное, великий поэт, но он шел по совершенно продолженной дороге и просто положил следующий камень, помог ее мостить. Но ничем не рискуя...

— А Солженицын?

— Конечно, рискнул!

— В форме?

— Разумеется... Ему будет долго оставаться за то, как он ломает язык. Сколько он придумал скандальных, формалистических деталей в языке!

— Вы не разделяете форму и саму жизнь ее создателя, его взгляды?

— Не разделяю. Человек платит за право создавать форму своей жизнью. Взгляд человека формируется в зависимости от того, насколько он имеет в себе силы протестовать против застылости формы. Все в мире апробировано, и если Бог дал талант, то очень просто заработать место под солнцем — деньги и славу, ничем не рискуя. А артист должен рисковать. Оккупных господинам взглядом — единицы. А рискуют и проваливаются многие. Нужно иметь смелость.

Ведь вивризм предполагает очень строгое, жертвенное отношение к жизни. И все нынешние беды России, может, лишь оттого, что демократы абсолютно ничем не жертвовали ради любимой своей идеи демократии...

— Толстый, вы сейчас делаете фильм о культурных связях России и Франции. А есть ли у вас у самого конкретные проекты в этой области?

— Есть, и хорошо, что вы об этом заговорили. Сейчас мой интерес — и совершенно конкретный — я хочу провести акцию, равной которой не было в истории поэтической культуры во всем мире. Я хочу пригласить десятков лидеров французской современной поэзии в Петербург, чтобы они читали стихи в замечательных залах вместе с петербургскими поэтами. Поскольку в Петербурге поэтов в десять или в сто раз больше, чем во всей Франции, — я становлюсь перед колоссальной проблемой, но все-таки хочу оставить за собой право выбрать и русских участников...

Я придумал поэтическую русско-французскую акцию длиной в год, приняв предложения, выслушивая советы и даже немножко, можно сказать, пишу поддержку. Какая мне нужна поддержка? Во-первых, визовая, для французской поддержки — для этого нужно, чтобы мэрия Петербурга согласилась своей драгоценной благоволившей эту поэтическую акцию. Потом, мне хотелось бы, чтобы поэты почитали один вечер в Эрмитажном театре, а другой — в Юсуповском дворце. Там поразительный театр, крошечный, в котором я был один раз в жизни, и если бы мне там привелось сыграть какой-нибудь спектакль, я бы, наверное, мог уже умереть...

С гостем встречался

Максим МАКСИМОВ

Фото Валентина ИЛЮШИНА